

В вечер Всех Святых улицы Коквортской общины превратились в сплошной движущийся поток. Этот поток был залит причудливыми маленькими существами: вампирами в плащах, вырезанных из черных мусорных пакетов; принцессами в коронах из картонных коробок; зомби, чьи лица были густо измазаны зеленой краской; и крошечной девочкой-кошкой в маминих туфлях на каблуках, которая спотыкалась на каждом втором шагу.

В сумерках то тут, то там раздавались визги, смех и редкие хлопки петард. На крыльцах каждого дома зажигались тыквенные фонари, и их оранжевое сияние зажигалось одно за другим в сгущающейся темноте, словно гирлянда теплых маленьких фонариков, протянутая вдоль всей улицы.

Ты стояла перед зеркалом на втором этаже в дом Эвансов и разглядывала себя.

Сегодня тебе не нужно было прятаться.

Обычно тебе приходилось прижимать уши, прятать хвост и маскироваться под обыкновенную белую лисицу, чтобы спокойно ходить среди людей.

Но сегодня — Хэллоуин. В этот день на улицах полно детей в самых нелепых костюмах: в остроконечных шляпах, плащах, с разрисованными узорчатыми лицами.

В такой день, даже если ты пройдешь по улице с парой пушистых белых лисьих ушей на голове, люди подумают лишь то, что это какой-то головной убор, сделанный заботливой матерью для своего ребенка.

Ты поправила свой образ перед зеркалом. Длинные белые волосы рассыпались по плечам, лисьи уши торчали из прически — острые, с нежно-розовой внутренней стороной, которая слабо светилась в отсветах свечей.

На тебе не было пышного платья принцессы или мантии ведьмы — всего лишь простой белый свитер и темно-коричневая юбка, которые ты отыскала в секонд-хенде на деньги, вырученные от продажи цветов.

Просто и чисто. Но у входной двери на вешалке ты обнаружила прекрасную вещицу: оставшуюся с прошлого года волшебную палочку Лили, на конце которой красовалась кривобокая звездочка с несколькими серебряными кисточками. Ты подняла ее, зажала в руке и примерилась перед зеркалом.

Идеально.

Прихватив маленькую корзинку, одолженную миссис Эванс (она говорила, что в прошлом году в ней лежали пасхальные яйца), ты вышла за порог.

Сумерки легли на край неба, словно растаявшее фиолетовое сиропное пятно, а на юго-востоке уже зажглась первая звезда. Ты глубоко вдохнула прохладный и сладкий воздух осеннего вечера и сделала первый шаг.

Ты стучала в каждую дверь.

Первой дверью оказался дом пухлой пожилой женщины. Увидев тебя, она на мгновение замерла, а затем наклонилась, чтобы получше разглядеть уши у тебя на макушке: — Ой, неужели ты сама это сделала? До чего же реалистично!

Ты улыбнулась и промолчала: твой голос звучал еще недостаточно естественно, так что лучше было поберечь слова.

Старушка ахнула и обернулась к дому, крикнув: — Джордж! Иди скорее сюда! У этой девочки даже хвост шевелится!

В конце концов она наполнила твою корзинку полной пригоршней ирисок и вдобавок сунула пару леденцов на палочке, пояснив, что ты очень похожа на белую кошечку, которую она держала в детстве.

Вторым домом владела молодая семейная пара. Хозяйка, увидев тебя, всплеснула руками и издала умильный визг: — Боже мой! Ты Маленькая лисица? Какая же ты красавица!

Она присела на корточки, ссыпала в твою корзинку целую гору шоколадного печенья и не удержалась — легко коснулась кончика твоего уха. Ты послушно дернула им, и она завизжала снова.

Ее муж стоял на пороге, покачивая головой с улыбкой, и исподтишка бросил в твою корзинку пакет фруктового мармелада.

Третий дом, четвертый, пятый. Ты проходила улицу за улицей, корзинка становилась все тяжелее, а похвал и сладостей набиралось все больше.

Кто-то говорил, что твои уши выглядят как настоящие, кто-то восхищался шерсткой на хвосте, кто-то интересовался, где ты купила такой наряд, а некоторые просто опускались на корточки, чтобы смотреть на тебя на равных, и с улыбкой говорили: — Ты самая красивая Маленькая лисица из всех, кого я видел сегодня вечером.

Ты улыбалась в ответ, показывая острые клыки, и люди снова умилялись.

Когда взошла луна, твоя корзинка уже была заполнена больше чем наполовину. Ты стояла на углу улицы, прикидывая ее вес на весу, а затем повернула обратно к дому Эвансов.

Конечно, ты знала, что мистер и миссис Эванс понятия не имеют, кто ты такая. В их понимании ты была всего лишь белой лисицей неизвестно откуда, прибившейся к их дочерям — послушной, смысленной, умеющей дремать у них в ногах и будить по утрам влажным носом.

Они не догадывались, что эта белая лисица в уединении превращается в девочку с лисьими ушами и хвостом, не знали, чьих рук дело дорогие минералы и украшения, спрятанные в шерстяных носках, и не ведали, что та самая Маленькая лисица, стучащая в их дверь прямо сейчас, — это тот самый комок белой шерсти, что целыми днями дремлет у их камина.

Ты подошла к крыльцу дома Эвансов и постучала.

Дверь открыла миссис Эванс. Увидев тебя, она сначала опешила, а потом ее лицо озарила широкая улыбка: — О боже, чья это малышка?

Она наклонилась и принялась внимательно тебя рассматривать, переводя взгляд с лисьих ушей на макушке на волшебную палочку в руке и пушистый хвост за спиной, после чего выпрямилась и крикнула вглубь дома: — Дорогой! Выйди посмотри, как потрясающе эта девочка нарядилась!

Мистер Эванс вышел из гостиной с чашкой чая в руке. Увидев тебя, он зажмурил глаза в уголках очков: — Ого, чья же Маленькая лисица тут заблудилась? Не хочешь зайти посидеть и перекусить печеньем?

Ты с улыбкой приподняла и покачала корзинку. Миссис Эванс с улыбкой покачала головой, вернулась в кухню и вынесла целую горсть изысканных карамельных конфет в индивидуальной упаковке. Нагнувшись, она стала опускать их в твою корзинку по одной, приговаривая: — Лили и Петуния ушли собирать сладости, дома остались только мы двое стариков. Все это добро предназначалось для ребятне, что заглядывает на огонек, но сегодня вечером почти никто не пришел. Так что всё достанется тебе.

Закончив раскладывать конфеты, она еще раз посмотрела на тебя и не удержалась, легонько ущипнув за щеку: — Ну как же ты хороша, просто глаз не отвести!

Мистер Эванс кивнул в знак согласия: — Что же с тобой будет, когда вырастешь.

Кончики твоих ушей порозовели. Ты заглянула в корзинку, где конфеты лежали уже в несколько слоров, и почувствовала, как на душе стало тепло. Ты поклонилась им, пробормотала как можно короче: — Спасибо, — и стремглав сбежала по ступенькам.

Миссис Эванс крикнула тебе вслед: — Веселись, Маленькая лисица! — и закрыла дверь.

Стоя под фонарем, ты оглянулась на захлопнутую дверь, и твои губы тронула улыбка. Они не знают, кто ты. Но это ничего. Тебе и не нужно, чтобы они знали.

Ты повернулась и зашагала в сторону Прядильного тупика.

Улицы здесь казались куда более пустынными и мрачными, чем в центре Кокворта. Фонари стояли редко, некоторые перегорели и мигали тусклым, ровным светом.

Окна домов большей частью были темными, на крыльцах почти не виднелось тыквенных фонарей: у местных жителей явно не было ни настроения, ни средств на праздники. Шаги шуршали по опавшим листьям, и в звенящей тишине пустой улицы этот звук казался слишком громким.

Ты остановилась перед знакомым домом из красного кирпича.

Окна внизу чернели. Только в окне второго этажа брезжил слабый, дрожащий огонек свечи.

Обойдя дом сзади, ты забралась внутрь через знакомое окно. В комнатах стояла тишина: ни звона пустых бутылок, ни шарканья телевизора, ни тяжелого дыхания этого мужчины.

Тобиас сегодня, похоже, отсутствовал дома или уже вырубился от алкоголя в каком-нибудь укромном углу. На цыпочках поднявшись по лестнице, ты остановилась перед заветной дверью, глубоко вздохнула и постучала.

За дверью царила тишина несколько секунд. Затем раздался настороженный, низкий голос: — Кто?..

Ты не ответила. И постучала еще дважды.

Шаги приблизились, дверь приоткрылась на щелочку. В узкой полосе света показалось лицо Северуса: одна его половина была озарена свечой, другая скрывалась во тьме. Заметив тебя, он замер на месте.

Ты стояла перед ним в чистом белом свитере, со спущенными на плечи белыми волосами, с парой пушистых белых лисьих ушей на макушке, которые чуть подрагивали в свете свечи, и глядела на него сияющими золотыми глазами.

В одной руке ты держала корзинку со сладостями, а в другой — волшебную палочку с серебряными кисточками на конце, похожую на маленький блуждающий огонек в сумрачном коридоре.

Ты широко улыбнулась, обнажив острые клыки, и произнесла фразу, которую репетировала столько раз:

— Сладость — или гадость?

Северус уставился на тебя — целых три секунды. На его лице проступила целая гамма сложнейших чувств: шок, растерянность, а затем нечто среднее между смехом и слезами, которое он отчаянно пытался, но не мог сдержать. Уголки его губ дрогнули и наконец сложились в беспомощную, едва заметную усмешку.

— У меня... нет сладостей, — произнес он бесстрастно, словно констатируя факт.

Ты заранее знала, что он так скажет. Ты нарочно нахмурилась, надула щеки, изобразив обиду, и ткнула его волшебной палочкой в грудь: — Тогда ты пойдешь со мной.

Он приподнял бровку: — Куда?

— Клянчить сладости, — заявила ты с самым невозмутимым видом. — У тебя нет конфет, так что придется добывать их вместе. Таковы правила.

— Чьи правила?

— Правила Хэллоуина.

Он молча смотрел на тебя. Ты выдержала его взгляд, не отступая ни на шаг, и твои золотые глаза сверкали в темноте, как две мелкие монетки.

Ты заметила, как его взгляд задержался на твоём лице, переметнулся на лисьи уши на макушке, которые едва заметно шевелились, отбрасывая крошечные тени, а затем снова вернулся к твоим глазам.

Он вздохнул. Вздох вышел легким, выдавая человека, который полностью сдался на милость победителя.

— ...Жди, пока я накину куртку.

Ты едва не подпрыгнула от радости прямо в коридоре.

Пять минут спустя Северус Снегг был насильно увлечен тобой из Прядильного тупика. На нём была старая черная куртка с криво поднятым воротником, волосы по-прежнему жирными прядями липли к лицу, а на лице застыло привычное мрачное и недовольное выражение — но твою руку он не отдернул.

Ты потащила его стучать в первую попавшуюся дверь. Открыла средних лет женщина; заметив вашу парочку — улыбающуюся девочку-лисицу с белыми волосами и угрюмого черноволосого мальчика, — она сперва растерялась, но потом рассмеялась: — Ой, вы что, брат и сестра? Одна нарядилась лисичкой, а второй... эм...

Она окинула Северуса оценивающим взглядом, подбирая слова: — ...молчаливым волшебником?

Лицо Северуса на мгновение почернело. Ты поспешила перебить его, сладко пропевши: — Счастливого Хэллоуина! Сладость или гадость!

Женщина с улыбкой ссыпала по горсти конфет в обе ваши корзинки, а Северусу добавила еще одну леденцовую карамельку сверх меры, сказав, что он подошел к образу очень серьезно.

Северус уставился на эту конфету с таким видом, будто не знал, что с ней делать. В конце концов он сунул ее в карман и отвернулся, делая вид, что ему все равно.

Ты повлекла его к следующему дому, затем к следующему и еще одному. Где-то конфет давали много, где-то меньше, некоторые двери оказывались запертыми, а в иных дворах на вас лаяли цепные пса.

В такие моменты ты задвигала Северуса за спину, заслоняя его собой, и скалилась на собаку. Пес умолкал. Северус долго стоял молча у тебя за спиной, после чего тихо выдавил: — Ты... ты вообще человек или лиса?

Ты обернулась и улыбнулась ему: — Угадай.

Луна поднялась в самую высь, прохладный свет залил крыши и улицы Кокворта. Вы уселись под старой искривленной плакучей ивой у реки; рядом стояла полная корзинка сладостей и одинокий карман Северуса всего с двумя-тремя конфетками.

Ты как раз разворачивала леденец на палочке — со вкусом клубники. Розовый шарик мерцал в свете уличного фонаря драгоценным камешком. Закинув его за щеку, ты почувствовала, как на языке растекается сладость, и довольно прищурилась.

Северус сидел рядом, сжимая в руке ту самую лишнюю конфету, которую ему подарили, и так и не развернул ее. Он смотрел на нее в задумчивости, погруженный в свои мысли.

Ты легонько толкнула его локтиком: — Чего не ешь?

— ...Не люблю сладкое, — бросил он.

Ты склонила голову набок, выудила из корзинки пакетик с солеными крендельками и протянула ему: — А это?

Он бросил на тебя взгляд, взял пакет. Разорвал упаковку, достал одно печенье и откусил. Пожевал, проглотил. Достал еще одно.

Ты улыбнулась, ничего не говоря. Продолжая сосать леденец, ты болтала ногами, а хвост покачивался за спиной. Ночной ветер дул со стороны реки, принося запах воды и прелой травы, а издалека доносились редкие раскаты хлопущек и детский смех. Ночь Хэллоуина подходила к концу.

Доев третий крендель, Северус аккуратно сложил упаковку и убрал ее в карман, не бросая мусор где попало. Затем он заговорил, тихо, будто боясь, что слова унесет ветром:

— ...Спасибо тебе.

Ты повернулась к нему. Он смотрел не на тебя — его взгляд был прикован к разбитому отражению луны на водной глади, и в свете фонаря выражение его лица казалось смутным и неразборчивым.

— Спасибо, что вытащила меня, — произнес он. Помолчав, добавил: — ...Сегодня.

Ты вынула леденец изо рта и улыбнулась ему, обнажив острый клычок: — В следующем году на Хэллоуин я снова тебя вытащу.

Он не ответил. Но ты заметила, как уголки его губ дрогнули в еле заметной, едва уловимой улыбке, промелькнувшей в лунном свете.

Ты вернула леденец на место, и на языке вновь заиграла сладость. Глядя на колеблющуюся луну в реке, ты легонько постукивала кончиком хвоста о ствол дерева.

Это был отличный Хэллоуин.

<http://bllate.org/book/21197/2145819>